

Глава 20. Испытание для пушистого комка

Весь барьер содрогнулся. Бесчисленные стрелы в небе слились в один исполинский костяной шип, который с размаху вонзился в купол. Как ни пытался Хуа Цин сдержать этот натиск, всё было тщетно.

Юэлао выскользнул из объятий мужчины и вскочил на ноги. Нефритовый веер в его руке мгновенно превратился в сияющую мягким светом табличку-пропуск. Взмахнув ею, он бросился наперерез стреле, уже пробивающей барьер.

Столкновение в воздухе породило яростный ураган. Спрятав Жемчужину Дыхания Ветра, Хуа Цин тут же устремился к западной части Столицы Вечного Веселья. Ещё за пределами города он заприметил там старый колодец, над которым клубился неподвижный туман. Если его догадка верна, именно там находилось одно из очей Великого массива Кровавого жертвоприношения.

Цзи Цин с остальными сразу бросились следом. Из всей их компании Император демонов сейчас обладал наибольшей силой. К тому же он успел осмотреть массив снаружи, так что вполне мог отыскать его уязвимое место.

Юэлао притянул к себе Тайбай Цзиньсина, который смотрел с глубочайшим презрением. Сам старец был весьма доволен результатом своей маленькой хитрости.

Вскоре они добрались до западной окраины. Под раскидистой, узловатой софорой действительно темнел зев древнего колодца. Даже посреди бурлящей тёмной магии от него веяло лишь лёгким, едва заметным паром, словно это был самый обычный колодец. Раньше бессмертные не придали ему значения именно из-за его неприметности, но теперь, под покровом ночи, в глаза бросались его необычные особенности.

Софора издревле считалась деревом Инь, притягивающим призраков и накапливающим тёмную энергию. Использовать её для сокрытия ока массива — поистине безупречный замысел. Юэлао достал из пазухи светлое зеркало и направил его вглубь колодца. Поверхность артефакта осталась чистой и спокойной.

Старец кивнул:

— Опасности внутри нет. Это действительно одно из очей. Однако у Великого массива Кровавого жертвоприношения их всегда два. Чтобы разрушить его, нужно отыскать второе.

Вглядевшись в старый колодец, Цзи Цин ощутил смутное дежавю. Если память ему не изменяла, точно такой же он видел в резиденции губернатора Столицы Вечного Веселья. В то время в усадьбе невеста откуда завелся ночной плакальщик. Губернатор тогда посулил ему тысячу цзиней первоклассного вина «Бамбуковая зелень», чтобы выманить даоса на охоту. Только ради этого Цзи Цин нехотя согласился и во время дела заприметил глубокий колодец в

заднем дворе.

Понимая, что оба ока нужно разрушить одновременно, Цзи Цин произнёс:

— Я знаю, где второе. Дайте мне время, пока горит половина благовонной палочки, и мы ударим вместе.

С этими словами он развернулся и растаял в тумане.

Дух земли порывался пойти следом, но даос всем своим видом дал понять, что попутчики ему не нужны. К тому же, здраво рассудив, старик решил, что рядом с Императором демонов будет куда безопаснее, и остался на месте.

Покинув западную окраину, Цзи Цин устремился к губернаторской усадьбе. Напитанные скверной костяные стрелы сыпались всё чаще — казалось, все призраки-якши в округе сбежались на его запах. Бросив короткий взгляд на спящий на его груди пушистый комок, даос прибавил шагу, обратившись в едва различимую струйку белого дыма среди серой мглы.

Добравшись до резиденции губернатора, он быстро отыскал скрытый на заднем дворе колодец. Вокруг него сиротливо лежали горы женских нарядов. Тонкие ткани колыхались на ветру, и от каждой шёлковой складки исходил удушливый, резкий запах девичьей крови.

Цзи Цин нахмурился. Заглянув в колодец, он увидел мешанину из бледных девичьих тел, мерно покачивающихся на чёрной воде. Время на исходе — палочка благовоний почти догорела. Даос обнажил меч, заставив клинок вспыхнуть холодным сиянием, и без колебаний прыгнул в колодезную бездну.

Стоило ему исчезнуть в глубине, как над Столицей Вечного Веселья пронёсся низкий, рокошующий гул. В небесах одновременно вспыхнули два ослепительно белых столпа света, и купол барьера, накрывавший город, разлетелся мириадами сверкающих осколков.

Когда волны тёмной магии окончательно рассеялись, Цзи Цин уже стоял за пределами городских стен. Лишь алое пятно на подоле его белоснежного даосского одеяния напоминало о том, какую цену пришлось заплатить за победу. Бережно прижав к себе пушистый комок, он направился к заброшенному храму неподалёку. Даос частенько останавливался там на ночлег, и это место отлично подходило, чтобы переждать ночь.

После падения Великого массива Кровавого жертвоприношения Хуа Цин со спутниками тоже оказались снаружи, но с противоположной стороны города. Поскольку тёмная энергия проникла в тело Юэлао, тому требовалось срочно вернуться на Небеса. Да и о случившемся здесь бедствии необходимо было немедленно доложить Нефритовому императору. В итоге Тайбай Цзиньсин, ворча и проклиная всё на свете, увёл под руку нагло притворяющегося немощным старца. Дух земли, лишившись своих владений, а вместе с ними и дела всей жизни, понуро побрёл вслед за ними.

Когда посторонние наконец скрылись из виду, Хуа Цин устремился на запад. В той стороне он отчётливо уловил знакомый аромат.

«Тот, кого я выбрал, живым ли, мёртвым ли, не достанется больше никому».

С этой мыслью он прибавил скорости.

Осенняя ночь дышала прохладой. Опасаясь, что пушистик замёрзнет, Цзи Цин развёл костёр и достал из мешочка Цянькунь запасное одеяние, чтобы укрыть его. Даос и не подозревал, что плотная шкурка лиса-оборотня сейчас ничуть не нуждалась в тепле. Наглотавшись чудодейственных пилюль, Ху Цзюмин переживал бурный прилив духовных сил — его внутренности буквально полыхали первозданным огнём.

А ведь всё началось с того, что Ху Цзюмин сбежал ради глупого желания набить брюхо вкусным. Чтобы не превратиться в обглоданные кости до прихода даоса, ему пришлось насильно пробудить внутренние резервы и вернуть истинное обличье. Он и раньше прибегал к мощи девяти хвостов. Смертельной опасности это не несло, однако влекло за собой весьма пикантные побочные эффекты. Впрочем, сам лис находил их сущим пустяком: всего-то непреодолимое, сжигающее изнутри желание заняться парным совершенствованием в течение следующих нескольких дней.

Но кто же знал, что Цзи Цин скормит ему целую горсть священного снадобья? Бушующие потоки чистейшей энергии оказались слишком тяжелы для каналов скромного лиса-оборотня. И теперь хлынувшая из пилюль духовная сила, наложившись на коварный побочный эффект от истинной формы, устроила в его теле настоящий пожар. Лис изнывал от жара, мечтая лишь о том, чтобы прыгнуть в вековые льды и превратиться в ледяную статую.

Разум заволокла густая пелена вожделения. Ху Цзюмин брыкнул коротенькими лапками, сбрасывая накиннутую одежду, и пополз в сторону даоса. Кое-как добравшись до мужчины, он принялся отчаянно тереться о его колени. В затуманенную голову лиса даже не пришла мысль о том, что можно просто принять человеческий облик.

Цзи Цин озадаченно наблюдал за катающимся у его ног пушистым комком, совершенно не понимая, чего тот хочет. Он видел лишь прищуренные глаза, сиявшие серебром. Вспомнив, как лис едва не разбился, даос решил, что зверёк попросту испугался и теперь ластится, умоляя простить его за своевольный побег.

Считая свои выводы предельно логичными, Цзи Цин поднял пушистый комок на руки и впервые в жизни мягко, с едва заметной нежностью в голосе, произнёс:

— Хорошо, на этот раз я тебя прощаю.

Оказавшись в воздухе, лис лишился вожделенной опоры и мгновенно ощутил невыносимую пустоту. Он отчаянно завертелся, но вырваться из крепкой хватки не сумел. Сжигаемый

изнутри жаром бессмертных пилюль, Ху Цзюмин потерял всякое самообладание. Резко выкинув лапу, он полоснул когтями по удерживающей его руке, заставив даоса опешить от такой наглости.

Сдержав гнев после столь неблагодарного жеста, Цзи Цин осторожно опустил пушистый комок себе на колени. Всё-таки лис был ранен, и поднимать на него руку даос посчитал бесчестным. Но стоило пушистику обрести свободу, как он с новыми силами принялся елозить и тереться о бёдра мужчины, издавая при этом тихие, упоительные звуки, полные нескрываемого наслаждения.

Цзи Цин, хоть и следовал даосскому пути, оставался молодым и здоровым мужчиной. От этих вкрадчивых, недвусмысленных прикосновений его бросило в жар. Нахлынувшие чувства пошатнули сосредоточенность ума, грозя разрушить ясность сознания.

Перед его мысленным взором внезапно предстал пленительный образ. Он видел его предельно чётко: водопад серебряных волос, струящийся по плечам, и пара раскосых глаз, в глубине которых таял весенний снег, готовый вот-вот обернуться тёплым половодьем и увлечь за собой. Юноша на этих видениях прикусывал алую нижнюю губу — именно таким Цзи Цин запомнил Ху Цзюмина в его человеческом облики.

С трудом прогнав наваждение, даос почувствовал, как участился его пульс. Он перехватил беснующегося пушистика за шиворот и влил в его крохотное тельце поток чистой умиротворяющей энергии. Лис мгновенно обмяк, затих и погрузился в глубокий безмятежный сон.

Уложив обмякший комок обратно на циновку и заботливо укутав его одеждой, Цзи Цин тяжело выдохнул.

«Этот лис послан мне как испытание крепости духа?»

Он никак не мог вернуть душевное равновесие.

Не успел он перевести дух, как на пороге полуразрушенного храма соткался до боли знакомый силуэт. Цзи Цин мгновенно помрачнел. Не двигаясь с места, он ледяным тоном спросил:

— Разве Императору демонов не пора вернуться на гору Хуцю?

Переступив через высокий порог, Хуа Цин одарил даоса натянутой ухмылкой:

— С каких это пор жалкий полубессмертный смеет указывать мне, куда идти?

С этими словами он по-хозяйски устроился на каменной скамье у восточной стены, не сводя пристального взгляда с Ху Цзюмина, мирно сопевшего под алтарём на циновке.

Разговор не клеился. Цзи Цин прикрыл глаза и погрузился в медитацию. Сейчас куда важнее было разобраться со странным жаром, периодически вспыхивающим в его собственном теле. Драконья душа, сокрытая внутри, исподволь подчиняла его волю. То, что произошло мгновение назад, претило всей его даосской сути, однако случилось наяву. Он отчётливо ощущал эти пугающие перемены в себе.

«Это болезнь ума, и её нужно искоренить как можно скорее».

Столица Ся

Даже издали столица поражала своим величием. Черепичные крыши лавок и богатых усадеб тянулись нескончаемым узором, прерываясь выбеленными стенами. Кое-где над этим морем взмывали многоярусные пагоды, отбрасывая в лучах полуденного солнца длинные резные тени.

С тех пор как Старшая принцесса вернулась ко двору, почётный титул первого колдуна Великой Ся перешёл к юноше, едва разменявшему третий десяток. Поначалу столичная знать роптала, но стоило императору казнить пару недовольных, как споры утихли сами собой. Новоявленный колдун был на редкость хорош собой: его ясный, пронзительный взор пленил не одно девичье сердце. Однако молодого человека не интересовала мирская суета — всё его время занимала борьба со скверной и укрепление угасающей императорской энергетики. Он вечно числился в разъездах, заставляя благородных девиц томиться в ожидании у окон до глубокой ночи в тщетной надежде поймать хотя бы мимолётный взгляд красавца.

В знак высочайшей милости правитель пожаловал ему роскошное поместье в самом сердце столицы, прямо у дворцовых врат. Это не только подчёркивало особое положение колдуна при дворе, но и позволяло владыке вызывать его к себе в любое время дня и ночи.

На склоне лет император сделался крайне мнителен и одержим страхом смерти. Мечтая о бессмертии, он вознамерился созвать лучших заклинателей Поднебесной для создания эликсира вечной жизни. В тот день он призвал своего фаворита во дворец, желая поручить ему руководство поисками заветного зелья.

Стоило Фан Синьтяню показаться в конце галереи, как расторопный евнух распахнул перед ним двери палаты Тайбай. Войдя внутрь, он склонил голову перед восседающим на позолоченном троне владыкой. Несмотря на парчовые одежды и сверкающий венец, император выглядел дряхлым и измождённым. На его обрюзгшем лице проступала зловещая серость — верный признак скорой кончины.

Фан Синьтянь совершил формальный поклон и спокойно спросил:

— Зачем Ваше Величество призвали меня?

При виде гостя правитель заискивающе улыбнулся. Шевельнув жемчужной завесой головного убора, он хрипло промолвил:

— Известно ли моему верному слуге, где сокрыто лекарство от старости и смерти?

Фан Синьтянь прекрасно понимал, к чему клонит старик, но сохранил невозмутимый вид.

— Ходят слухи, что в водах Подземного моря сокрыт священный остров, где и хранится заветное снадобье. Однако... — Он намеренно оборвал фразу на полуслове.

Император Ся подался вперёд. Он расспрашивал сотни лекарей и мудрецов, но никто не мог дать ему точного ответа. Теперь же, когда разгадка была так близка, таинственность мага приводила его в ярость.

— Говори же! Что «однако»?

— Чтобы преодолеть пучины Подземного моря и забрать реликвию, нам потребуется собрать пять сотен искуснейших даосов и колдунов со всей Поднебесной. Без их совокупной мощи приблизиться к острову невозможно.

Грузное тело императора на троне качнулось вперёд. Он алчно взглянул:

— Только и всего? Я немедленно издам указ! Мы соберём всех известных мастеров Поднебесной в столице!

Фан Синьтянь отрицательно качнул головой, поправляя расшитый пояс:

— Ваше Величество, спешка погубит дело. Эти пять сотен заклинателей должны быть отобраны мной лично. В залог моей верности примите эту Пиллюлю Продления лет. Если государь доверяет мне, вкусите её. Она укрепит ваши силы, пока я буду собирать армию колдунов, чтобы через год отправиться в Подземное море.

Император Ся поспешно кивнул евнуху, чтобы тот принял подношение. Убедившись с помощью серебряной иглы, что в снадобье нет яда, он жадно проглотил Пиллюлю Продления лет.

По его жилам тут же разлилось приятное тепло. Былая слабость и ломота в суставах отступили, уступив место непривычной лёгкости. Безмерно обрадованный правитель посмотрел на стоящего внизу мужчину с новообретённым благоговением.

Взмахнув широким рукавом, он провозгласил:

— Да будет так! Всё исполнить согласно воле нашего верного колдуна!

<http://bllate.org/book/20393/2162588>